

последнимъ, изъ одного и того же источника въ мозгу человѣка, то разумѣется, что и фактъ этической «распущенности» наряду съ эстетическимъ величіемъ получалъ у нихъ свое объясненіе, далеко, однако, насъ не удовлетворяющее: поэтъ, де, становился (дѣлаясь развратникомъ) жертвою своего исключительнаго служенія красотѣ, что благодаря именно этой связи сенсуальнаго наслажденія съ чувствомъ вдохновенія, они, поэты и художники, и склоны такъ къ первому, обжигаясь на этомъ огнѣ... Но если таковы основы всего эстетическаго, если послѣднее само по себѣ—то-же, что непосредственно—чувственное, сенсуальное, если оно даже можетъ быть объяснено чисто фізіологически, то оно же не можетъ уже быть въ то же время чувствомъ нравственнымъ, такъ какъ «этическое» въ непосредственномъ не дается, а къ нему *приводятъ* себя черезъ сознаніе, оно есть продуктъ воли индивидуума, а не непосредственнаго фізіологическаго чувства.

Подтверждаемъ, однако, еще разъ всю случайность «разоблаченій», дѣлавшихся нашими отрицателями въ 60-хъ годахъ: вѣдь, они явились у нихъ лишь между прочимъ, въ числѣ другихъ имѣвшихся у нихъ аргументовъ для ихъ *анти-эстетическихъ црлей*. Другое дѣло—если бы они это дѣлали съ цѣлью напомнить художественному таланту о тѣхъ свойствахъ этической подготовки, недостатокъ которыхъ былъ ими такъ злорадно лишь отмѣченъ, какъ голый фактъ, какъ лишній камень, которымъ можно было бросить въ лицо врагу. Но извѣстно, вѣдь, каковы цѣли были у нашихъ «передовыхъ людей» той эпохи, когда, съ одной стороны, Щедрина, напр., приглашали; бросивъ «беллетристику», заняться изученіемъ естественныхъ наукъ, а съ другой, ученаго человѣка, вдругъ, производили въ «романисты», у котораго, въ романахъ его, умъ принимался разыгрывать роль чувства (романъ